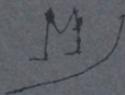

Мих. Лифшиц

О ГЕГЕЛЕ

GRUNDRISSE

Михаил Александрович Лифшиц О Гегеле

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67311374
О Гегеле / М.А. Лифшиц: Грюндриссе; Москва; 2012
ISBN 978-5-904099-08-4*

Аннотация

Гегель находился в центре научного творчества Михаила Александровича Лифшица на протяжении всей его жизни, начиная с середины 1920-х гг.

В настоящее издание включены шесть работ М.А. Лифшица о немецком философе. Все они дополняют друг друга и, собранные вместе, помогают читателю оценить своеобразие подхода Лифшица к Гегелю, который он сам определял как перевод гегелевского учения на язык материализма, как раскрытие его реального содержания.

В приложении приводится отрывок из беседы Лифшица, в котором он даёт общую характеристику своего интереса к Гегелю.

Работы создавались с 1931 г. по 1983 г. Три из них были опубликованы при жизни М.А. Лифшица, три – посмертно.

Работа «Дух и его действительность» публикуется в настоящем издании на русском языке впервые.

Издание сопровождается иллюстрациями и содержит именной указатель.

Содержание

От издательства	6
Мих. Лифшиц. О Гегеле	9
Литературное наследство Гегеля. 1931 г	9
1	9
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Лифшиц

О Гегеле

Публикация: В.М. Герман, А.М. Пичикян, В.Г. Арсланов

Издательство благодарит за содействие в публикации
директора Архива РАН В.Ю. Афиани,
зав. отделом Архива РАН Е.В. Косыреву
и
зав. читальным залом И.Г. Тараканову

В подготовке материалов к публикации принимали участие:

Елена Акулова, Анатолий Ботвин

Обработка фотографий: Ольга Антоненко

Издание подготовлено Архивом Лифшица и Институтом
Лифшица

Издание осуществлено при поддержке Дмитрия Аксёнова

ООО «Издательство Грюндриссе»

e-mail: info@grundrisse.ru

<http://www.grundrisse.ru>

© ООО «Издательство Грюндриссе»

© Архив РАН

© М.А. Лифшиц, авторский текст

От издательства

Гегель находился в центре научного творчества Михаила Александровича Лифшица на протяжении всей его жизни, начиная с середины 1920-х гг.

В настоящее издание включены шесть работ М.А. Лифшица о немецком философе. Все они дополняют друг друга и, собранные вместе, помогают читателю оценить своеобразие подхода Лифшица к Гегелю, который он сам определял как перевод гегелевского учения на язык материализма, как раскрытие его реального содержания.

В приложении приводится отрывок из беседы Лифшица, в котором он даёт общую характеристику своего интереса к Гегелю.

Работы создавались с 1931 г. по 1983 г. Три из них были напечатаны при жизни М.А. Лифшица, три – посмертно.

Работа «Дух и его действительность» публикуется в настоящем издании на русском языке впервые.

Работы расположены в хронологическом порядке.

Все примечания к текстам сделаны Лифшицем, за исключением оговорённых случаев.

Примечания от редакции, сделанные к настоящему изданию, помечены «звёздочками» и даны внизу страницы.

~~_____~~ Omnia Tenua et
liquida? Concreta

7) e peas me sed
distinguo. (que com?)
de re hinc

8) Palubere ex u ex
hinc alib ten et hinc hinc
alib et hinc hinc

9) hinc et hinc hinc
et hinc hinc
hinc hinc

10) hinc hinc

hinc hinc

hinc hinc

1. hinc hinc hinc
 2. hinc hinc hinc
 3. hinc hinc hinc

hinc hinc hinc hinc

С. 10 – страница рукописи Мих. Лифшица из конверта «Гегель против морали в истории (и да, и нет)», папка № 203 «Hegel».

Мих. Лифшиц. О Гегеле

Литературное наследство Гегеля. 1931 г

К столетию со дня смерти философа (1831–1931)

Работа 1931 г. Впервые опубликована: Литературное наследство. М., 1932, т. 2, с. 187–208.

Также работа публиковалась: Лифшиц М.А. Вопросы искусства и философии. М.: Художественная литература, 1935, с. 80—113.

С небольшой авторской правкой была опубликована в трёхтомнике: Лифшиц М.А. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Изобразительное искусство, 1984–1988, т. 2, 1986, с. 114–139.

В настоящем издании работа приводится по трёхтомнику.

1

Во время одного из своих путешествий Гулливер попал на остров чудес, где среди множества умерших посредственностей ему являются тени Гомера и Аристотеля. Проницатель-

ный англичанин сразу заметил, что многочисленные издатели и комментаторы держатся вдали от великих людей древности. Они так обошлись с Гомером и Аристотелем, что им теперь стыдно встречаться с ними даже в преисподней.

Это место из сатирического романа Свифта как бы нарочно придумано для душеприказчиков, издателей и комментаторов Гегеля. Судьба литературного наследства великого немецкого философа является лучшим примером того, как мало умела ценить своих духовных героев просвещённая буржуазия, как грубо и безразлично обращалась она с драгоценным наследием её классических деятелей.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель был, по известному выражению Розенкранца, осенней натурой. То, что он успел напечатать при жизни, есть плод многолетней работы. Политические и философские взгляды Гегеля пережили длинный ряд изменений, следы которых содержатся в рукописях и конспектах. Когда неожиданная смерть прервала литературную деятельность философа, его архив представлял собой обширное целое. Карл Розенкранц, которому «школа» доверила составление биографии Гегеля, говорит о нескольких ящиках с рукописями¹. Но по обычной для филологии тех лет небрежности или по какой-нибудь другой причине он не оставил нам даже точной описи этих манускриптов. Как тщательно сохранялись они в дальнейшем, показывает то обстоятельство, что многие рукописи, цитированные Розенкранцем, в настоящее время бесследно исчезли.

К числу навсегда утраченных документов относятся, например, такие, как подробный комментарий к немецкому переводу Джеймса Стюарта – почти незаменимый источник для понимания взглядов Гегеля в эпоху его перехода к примирению с буржуазной экономией. Утрачены также тетради, относящиеся к лекциям по философии истории, которыми пользовались в своё время Эдуард Ганс и Карл Гегель. Исчезли и другие материалы. Они пошли по рукам, отправились вместе со своими владельцами в самые отдалённые части света, погибли при пожарах (как, скажем, упомянутый комментарий к Стюарту или письма Гегеля к Борису фон Иксюлю) и, наконец, были просто разорваны на части друзьями покойного, из которых каждый хотел получить на память его автограф.

Но не только это беспощадное обращение с рукописями философа может напомнить сатиру Свифта. К столетней годовщине со дня смерти Гегеля ещё не существует вполне пригодного для научных целей собрания его сочинений. Дело в том, что произведения, опубликованные самим философом, представляют собой не более половины того, что обычно относят к сочинениям Гегеля. Ряд чрезвычайно существенных отраслей гегелевской системы, например философия истории, история философии, эстетика, сохранился лишь в записях слушателей и в виде отдельных тетрадей и заметок, по которым Гегель в разное время на разных ступенях собственного идейного развития читал свои лекции. Друзья

и ученики Гегеля, выпустившие в 1832–1840 годах первое издание его сочинений (18 томов), пользовались этими материалами самым некритическим образом. Их целью было содействовать укреплению господства гегелевской школы в немецких университетах. А для этого нужен был канонический Гегель, лишённый противоречий своего развития, ибо в его развитии, как хорошо знали друзья покойного, бывали и революционно-демократические ступени. Издатели сочинений Гегеля нашли возможным смешать тетради, относящиеся к периодам, отделённым иногда 25-летним промежутком времени, сюда же присоединили они записи слушателей и свои собственные воспоминания.

Всё это подверглось затем редактированию, причём выбрасывались и присоединялись целые отрывки, чтобы в конце концов получился искомый синтез, в котором нуждалась «школа». Такая система работы имела, конечно, свою программу, свой идеал. В основе её лежало условное изображение всей биографии Гегеля, его отношения к правительствам, его университетской политике и всего его образа жизни. Из Гегеля сделали идеальный тип немецкого учёного, который в противоположность людям политической страсти всегда спокойно следовал одному, заранее избранному пути, без всяких переломов и скачков, без внутренней борьбы и противоречий с окружающей средой.

Эта тенденция намечена уже в первой биографии Гегеля, написанной Карлом Розенкранцем. «Наибольшая трудность

моей работы, – говорит автор этого сочинения, – была заложена в своеобразии основной сущности гегелевского характера, которая состояла в *постоянном всестороннем и постепенном* развитии. Его творчество было тихим движением его ума, непрерывной поступательной работой всего его существа. Его биография лишена поэтому обаяния больших контрастов, страстных прыжков и только благодаря напряжённой значительности её героя избавлена от полной монотонности»².

С тех пор, как была написана работа Розенкранца, многие толкователи Гегеля возвращались к подобной аргументации. Подчёркнуто мещанский образ жизни философа, его стремление «соперничать в немецкой серьёзности» с прусской бюрократией, наконец, просто педантичный характер всей философии Гегеля казались достаточной гарантией её благонадёжности. Против представления о том, что взгляды Гегеля, по крайней мере в молодости философа, имели революционный характер, ещё в настоящее время пишут объёмистые трактаты. Таково, например, огромное по размерам и заключённому в нём материалу, но тенденциозное сочинение Теодора Л. Геринга. Автор этой книги – профессор Тюбингенского университета, а в этом городе, по преданию, существовал революционный кружок, основанный Гегелем и друзьями его юности. В противовес столь неудобному историческому воспоминанию и в полном противоречии с истиной тюбингенский профессор выдвигает тезис о природ-

ном консерватизме Гегеля, стараясь обосновать этот тезис при помощи биографии своего героя. «Гегелевская “революция”, – пишет Геринг, – всегда была реституцией и беспрепятственной эволюцией истинной живой сущности всех вещей»³.

Если так изображают Гегеля его поклонники, то нет ничего удивительного в том, что писали многочисленные враги философа. Гегель был представителем классической степени в развитии мировоззрения буржуазного общества. С беспощадным научным стоицизмом изображает он противоречия христианско-буржуазного мира, пытаясь решить их в идеалистическом культе государства. Как в Англии против Рикардо, так в Германии против Гегеля выступала филантропическая оппозиция. Немецкие либералы, подготовившие примирение отечественной буржуазии с помещичьим землевладением, находили философию Гегеля недостаточно гуманной, а его учение о гекатомбах, приносимых человечеством в жертву прогрессу, о мировом духе, ведущем своё дело *en gros*¹, – слишком жестоким и безрадостным. Читающей публике они доносили на сервилизм Гегеля, на отрицание им индивидуальности и свободы; правительства, напротив, пугали призраком Гегеля – атеиста и революционера.

В этих нападках на гегельянство немецкие либералы, группировавшиеся вокруг энциклопедии Роттека – Велькера, соприкасались с учёной дружиной политического кон-

¹ Оптом, гуртом; в общих чертах (*франц.*).

серватизма. Знаменитый Юлиус фон Шталь также считал, что гегелевская система даёт слишком мало простора индивидуальной свободе на земле и божественному произволу на небе. Вообще идеологи свободы воли, не ограниченной никакой конституцией, и трубадуры свободной торговли выступали против Гегеля солидарно.

Революция 1848 года, в которой немецкая буржуазия утратила свои радикальные порывы, но приобрела высокую конъюнктуру, положила конец господству умозрительной философии и открыла эру позитивизма. В 50-х годах XIX столетия Юлиан Шмидт и Рудольф Гайм объявили философию Гегеля достоянием истории. Полное пренебрежение к спекулятивной философии считалось в течение всего последующего пятидесятилетия признаком хорошего тона. Само собой разумеется, что о каком-нибудь исследовании и систематической публикации литературного наследия Гегеля в этот период не могло быть и речи. Та нищенская эклектическая похлебка, по выражению Энгельса, которая преподносилась тогда в немецких университетах, не оставляла места для подобных интересов. В последнем счёте единственными людьми, сохранившими в это время лучшие традиции Гегеля, были именно Маркс и Энгельс. Как мало понимали их в этом отношении даже близкие соратники, например Вильгельм Либкнехт, показывает следующий эпизод, следы которого были тщательно вытравлены Бернштейном в первом издании переписки Маркса и Энгельса.

Когда «Крестьянская война» Энгельса печаталась в «Volkstaat», Вильгельм Либкнехт снабдил её подстрочными примечаниями, которые привели Энгельса в бешенство. Особенное раздражение вызвало у него примечание Либкнехта к слову «Гегель». И не случайно: примечание содержало обычные либеральные нападки на Гегеля, а эта музыка была слишком хорошо знакома основателям марксизма. «По поводу Гегеля, – пишет Энгельс Марксу 8 мая 1870 года, – этот человек делает следующее примечание: “Более широкой публике известен как открыватель (!) и апологет (!!) королевско-прусской *государственной идеи*" (!!!). На этот раз я высказал ему всю правду и послал для опубликования заявление, выдержанное при данных условиях в максимально мягких тонах. Болван, долгие годы беспомощно топтавшийся вокруг смехотворного противоречия между правом и силой, напоминая пехотинца, которого посадили на бешеную лошадь и заперли в манеже, – этот невежда бесстыдно рассчитывает разделаться с таким парнем, как Гегель, одним словом “пруссак” и при этом вводит в заблуждение публику, которая может подумать, что это якобы сказал я. С меня теперь хватит. Если Вильгельм не напечатает моего заявления, то я запрещаю дальнейшее печатание. Лучше совсем не печататься, чем таким образом благодаря Вильгельму прослыть ослом»⁴.

Что именно *либеральный* характер примечания Либкнехта навлек на него гнев обоих основателей марксизма, вид-

но из ответного письма Маркса от 10 мая: «Я ему написал, что если он о Гегеле способен лишь повторять старые глупости Роттека – Велькера, то пусть лучше держит язык за зубами. Это он называет “на скорую руку разделаться с Гегелем несколько бесцеремонным образом и т. д.”. И если он пишет нелепости в примечаниях к статьям Энгельса, то “Энгельс может же (!) сказать *более развёрнуто (!!)*”. Этот человек действительно слишком глуп»⁵.

Не прошло и пяти лет после смерти Энгельса, как старые глупости Роттека – Велькера снова выплыли на поверхность в социал-демократической литературе. Эдуард Бернштейн в своих «Предпосылках социализма» изобразил в качестве главной причины грехопадения Маркса и Энгельса их историческую связь с Гегелем. Неокантианство, демократическая ветвь которого (идущая от Ф.А. Ланге) уже давно искала пути к рабочему движению, казалось Бернштейну и его сподвижникам более достойным сближения с марксизмом. Кант в противоположность Гегелю надолго сделался теоретическим святым II Интернационала. И это понятно. Учение Канта о бесконечном прогрессе к недостижимому идеалу было удобнее для обоснования либерально-реформистского руководства рабочим движением.

В настоящее время положение радикально изменилось. Либерализм уже не является господствующей идеологией образованных классов буржуазного общества. Послевоенный кризис подточил веру в бесконечный прогресс, идеалы

формальной демократии, а вместе с ними потерпели поражение неокантианство, позитивизм и весь букет разнообразных гносеологических течений, ещё недавно самых модных и злободневных. На сцену выступили преимущественно вопросы политики и права, возникли модные поиски «новой метафизики». В этой связи буржуазная мысль вспомнила о Гегеле, а вслед за ней заговорили о Гегеле и литературные представители нынешнего «социализма».

Вожди немецкой социал-демократии были бы чрезвычайно удивлены, если бы четверть века назад им сказали, что на столетнем юбилее со дня смерти великого идеалиста социал-демократический прусский министр Гримме официально заявит: «Гегель – это живейшая современность». Философский псевдоклассицизм, именуемый возрождением Гегеля, есть явление новое, в нашей литературе ещё недостаточно освещённое. С поразительной быстротой гегельянство вновь выступило на первый план в немецкой – и не только немецкой – идеалистической философии. Даже такие корифеи кантианства, как Риккерт, высказывают сегодня готовность к развитию в новом направлении.

Неогегельянцы образовали Международный союз (Internationaler Hegel-Bund), основной целью которого являлось «содействие изучению философии в гегелевском духе». 19–20 октября 1931 года в Берлине состоялся второй конгресс этого нового союза, посвящённый столетию со дня смерти философа. Газеты печатали подробные отчёты о кон-

грессе, на книжном рынке появилось много новых работ с именем Гегеля на титуле. Съезд прошёл в торжественной обстановке при участии всевозможных чинов и официальных представителей государственной власти.

Что означает этот новый период в истории гегельянства и что принесло с собой оживление интереса к Гегелю в смысле изучения его литературного наследства?

2

*Ружья мещане хватают.
Попы в набат ударяют.
Государства морального существо,
В опасности тяжкой – имущество.*

Гейне

Говоря кратко, современное «возрождение» гегелевской философии имеет три основные причины. Наиболее глубокой и общей из них является сама эпоха империализма. Исторический поворот, связанный с наступлением этой эпохи, вызвал соответствующие изменения в идеологической структуре буржуазного общества. Философские течения, подобные неогегельянству, представляют собой только симптомы этих материальных и духовных процессов.

В период так называемой свободной конкуренции господствующие идеалы буржуазного общества хорошо выража-

лись формулой Маркса: «Свобода, равенство, собственность и Бентам». Им соответствовала доктрина невмешательства государства в игру экономических интересов, идея двух истин – политической и хозяйственной, двух не соприкасающихся друг с другом сфер – формального равенства и мира неравных частных лиц. Эти сферы были так же принципиально различны с точки зрения либерализма XIX века, как различны у Канта легальность и моральность.

Эпоха империализма сделала старую догму непригодной в качестве идейного оружия буржуазии: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций – всё это породило, – по словам Ленина, – те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм»⁶. Либерально-манчестерские доктрины отступили на задний план, превратившись в ветхий завет буржуазного общества. На смену им пришли воззрения, открыто провозглашающие и оправдывающие стремления к господству вместо стремлений к свободе. В империалистических странах буржуазная демократия завершила своё превращение в лживую фразу, прикрывающую неограниченное господство олигархии банков и промышленности. Поэтому могла получить широкое распространение антидемократическая и антилиберальная фраза, назначение которой – подчинить ин-

тересам правящего класса само разочарование масс в буржуазной демократии. Появились буржуазные критики либерализма и формальной демократии⁷.

В конце XIX и в первом десятилетии XX века это течение выступало ещё в качестве оригинального достояния некоторых декадентствующих одиночек и своё полное развитие получило лишь в послевоенное время в идеологии фашизма. Красноречивую критику манчестерства с точки зрения приукрашенного социалистическими фразами государственно-капитализма можно найти также у представителей умеренного крыла современной буржуазии и социал-демократии. Этот духовный товар встречается теперь на каждом шагу в повседневной политической литературе.

Но не следует забывать, что новые пророки, обязанные своим успехом эпохе империализма, «пришли не для того, чтобы отвергнуть закон, а для того, чтобы его подтвердить». Они вовсе не собирались углублять свою критику либерализма до отрицания его основ – капиталистической частной собственности и государственной власти буржуазии. С этой точки зрения интересны слова Германа Глокнера в его программной для немецкого неогегельянства статье «Кризисы и перемены в истории гегельянства»: «Ничто не должно быть утрачено, все принципы – следовательно, также и принципы XIX столетия – должны быть сохранены!»⁸.

Но однажды причислив себя к охранителям принципов XIX столетия, представители новых течений применяют

другие методы, провозглашают иные доктрины. Апология силы и проповедь активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь сменили идеал договорных отношений и веру в стихийный разум биржи. Через всю буржуазную литературу последних тридцати лет проходит постепенно усиливающаяся тенденция идеализировать могущественное национальное государство, обуздывающее противоречия интересов и подчиняющее себе экономику.

Эти новые тенденции можно проследить и в области философии. Во времена старого либерального капитализма идеологические составные части класса буржуазии (по выражению Маркса) были одержимы духом критицизма и скепсиса. Их теоретико-познавательный критицизм способствовал превращению всех жгучих социальных проблем в неразрешимые антиномии, с отдалённой, но часто заметной целью подорвать авторитет таких «догм», какой, например, для культурного и чуждого метафизики буржуа был социализм. Эта точка зрения видела своего наследственного врага в философии Гегеля, одного из последних «догматиков» господства всеобщего над единичным, государства над частной жизнью.

В империалистическую эпоху критика Гегеля в духе либерализма выходит из моды. Гигантские государственные образования, вооружённые до зубов и представляющие интересы монополистических групп, нуждаются в подогревании политического идеализма в массах. Они нуждаются в но-

вом догматизме, вере в иллюзорную национальную всеобщность. Прежняя тенденция защиты частного лица от посягательств государства, извлечённая либералами в качестве урока из ранних демократических революций, уже не имеет цены для господствующих классов. Они заинтересованы именно в том, чтобы расширить сферу непосредственного вмешательства государства в область экономики, оправдать открытое применение государственной машины в исторической тяжбе буржуазии с рабочим классом, этой частью, имеющей дерзость восставать против целого. Отсюда перемена направления у философствующих представителей современной буржуазной мысли.

Пытаясь прийти к самопониманию, они наткнулись на старую критику либерализма и свободной конкуренции, которая получила своё выражение в некоторых философских и политических теориях эпохи утверждения буржуазного государства. К таким теориям, ещё сохранившим в себе отзвуки революционного террора, относится и гегелевская идеализация государства, стоящего над буржуазным обществом как сферой эгоизма и борьбы интересов. Конечно, этот культ государства по своему историческому значению так же мало походит на современную апологию *stato forte*², как ассоциация «индустриалов» в духе Сен-Симона – на корпоративные союзы Муссолини. Но здесь есть сходство идеологической формы, необходимое для фальсификации. Вот один из ис-

² Сильное государство (*итал.*).

точников современного философского ложноклассицизма, неотделимого от всей атмосферы демагогии и лжи, окутывающей действительные черты капиталистического общества эпохи его упадка. Первые шаги в сторону неогегельянства, связанные с работами Дильтея в Германии, даже хронологически совпадают с началом новой эпохи⁹.

Вторым источником возрождения гегельянства является послевоенный кризис капиталистической системы и развившийся на его основе современный мировой экономический кризис. Один из наиболее дальновидных представителей университетской Германии Юлиус Эббинггаус следующим образом рисует послевоенную ситуацию в области философии: «Война, длившаяся четыре с половиной года, потрясающее человечество ощущение того, что почва, на которой оно существует, колеблется под ним, и вот грезится, что чего-то не хватает, чего-то такого, что может укрепить эту колеблющуюся почву. Грезится, что нечто должно быть *доступно познанию как необходимо истинное, т. е. доступно в возможном познании* a priori. Тут вдруг вспоминают о свысока третиrowанном ранее “обосновании”; теперь оно находит себе спрос, теперь оно должно затыкать дыры, поддерживать колеблющееся, создать новый фундамент для рушившегося. Осмысленность, оглядка, подлинность – таковы волшебные слова, которым покоряются все; посредством представления о том, что человек ещё никогда не приходил к своей собственной основе, новые устремления ставят перед своими

глазами необычайно заманчивую награду. Потоки искателей золота, которым часто не хватает необходимейших принадлежностей научного бытия, текут через все страны света в поисках самородного металла. Но посмотрите: что бы ни нашёл отдельный человек, он не может сделать из этого никакого употребления. Как только он предлагает свою находку другим, раздаётся единодушный крик: “Это не то, что мы ищем, это не золото, это не происходит из глубин!”»¹⁰.

Всеобщий идейный распад, отражающий хозяйственные и политические конвульсии буржуазного общества, является одной из причин современных поисков «новой метафизики». Борьба с критицизмом и скептицизмом, введущаяся на страницах философских журналов, в университетских аудиториях и на конгрессах, как две капли воды похожа на политику восстановления доверия, проводимую руководителями банков. Философия, в которой нуждаются сейчас имущие классы, – это философия *оздоровления*, философия *национальной концентрации*, И так как современное мощное государство связано посредством регрессивной метаморфозы с государством гегелевской философии права, то обращение к последней вытекает из самой сути дела. Это становится совершенно ясным при чтении актов первого гегелевского конгресса, изданных евангелистом Гегель-бунда – Вигерсмой¹¹.

Главный докладчик первого конгресса Юлиус Биндер сосредоточил свою критику на общественном эгоизме, господ-

ствующем, по его мнению, во всех проявлениях нашего индивидуалистического века. Этот индивидуализм Биндер рассматривает как наследство либеральной Германии, а эпоху либерализма вообще – как период распавшегося в себе духа, эпоху разложения и упадка. Напротив, в современной действительности докладчик замечает симптомы отрезвления. «Отчуждённый дух снова начинает осмысливать самого себя, делает первую попытку, если можно так выразиться, снова прийти к себе». Такова причина «нового пробуждения гегелевского духа», являющегося духом «сосредоточенности, самоосмысливания».

Посмотрим, что означает эта сосредоточенность. «Если Просвещение смешивало государство с буржуазным обществом, – продолжает Биндер, – а либерализм в эпоху Гегеля подчинял государство этому обществу, как это имеет место и теперь там, где государство рассматривается как простое средство для целей *хозяйства*, то Гегель, напротив, показывает, что этим путём интерес единичного, как такового, берётся в качестве конечной цели и что отсюда следует, что участие или неучастие в государстве зависит от желания единичного. Действительно, нынешняя политическая усталость, незаинтересованность по отношению к государству, халатность в исполнении гражданского долга есть только следствие этого понимания, которое в конце концов ведёт к откреплению хозяйства от государства и тем самым к отнятию у государства его материального содержания». Но госу-

дарство, как неустанно подчёркивал Гегель, находится в «со-
всем другом отношении к индивиду, поскольку оно является
объективным духом; сам индивид обладает объективностью,
истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он
является его частью». Таким образом, «возрождение» геге-
левского духа несёт с собой примат государства над частным
интересом.

Доклад Биндера всецело проникнут этой идеей, которая
в былые времена принадлежала не только Гегелю, но также
Робеспьеру и Бонапарту. Само собой разумеется, что в устах
современных гегельянцев она имеет совсем другой, глубоко
реакционный смысл. Критика частного интереса, которой
предаются теперь гегельянствующие профессора, нисколько
не угрожает спокойствию имущих классов. Нападки на ин-
дивидуализм и эгоизм, требование подчинения отдельного
лица всеобщему – всё это не выходит за пределы тех мер вме-
шательства политического государства в буржуазное обще-
ство, которые применяет на практике любое империалистиче-
ское правительство (например, ограничение вывоза девиз
и т. п.). Более того, как уже говорилось выше, эта критика
общественного эгоизма может быть с удобством направлена
против рабочего класса, отказывающегося приносить жерт-
вы Молоху государства.

Что именно классовый интерес пролетариата является
главным объектом критики Биндера, показывают его напад-
ки на марксизм и коммунизм. Следуя старой декадентской

манере, он рассматривает марксизм как разновидность индивидуалистического либерального мировоззрения. «Марксистское учение о государстве как орудии власти в руках господствующего класса есть порождение этого общественного субъективизма. Никакая теория, которая подобно современному либерализму и демократизму имеет своей основой субъективизм, никогда не может вступить в действительную борьбу с этим учением».

В качестве антитезы Биндер выдвигает гегелевскую идею государства. «Совершенное единство субъективного и объективного духа и действительность свободы есть *государство*. Но это государство не есть просто предмет единства, оно не есть также простой коллектив, но некая “универсальность” самостоятельных частей, которые в своей единичности являются действительностью целого». И для того, чтобы не осталось ни малейшего сомнения в том, что этот абстрактный «универсализм» при всём своём отличии от либеральных идеалов является в то же время крайней противоположностью коммунистической общности интересов, докладчик поясняет: «Коллективизм есть только форма индивидуализма, и он не имеет ничего общего с универсализмом».

То, что профессор Биндер называет универсализмом, социал-демократический прусский министр исповеданий Гримме именует обществом, организованным на товарищеских началах. В приветственной речи, обращённой ко второму конгрессу гегелевского интернационала, Адольф Грим-

ме сказал: «Гегель – это живейшая современность, ибо он подчёркивает примат всеобщего, государства над индивидом. Государство было для Гегеля высшей нравственной силой общества, организованного на товарищеских началах». Здесь тот же идеал мощного государства угадывается под социалистической фразой о товариществе, подобно тому как в статье Гримме «Живой Гегель» капиталистическая программа оздоровления выступает под именем планового хозяйства¹². Таким образом, при всех возможных оттенках и уклонах от общего типа примат всеобщего над индивидом, вдохновляющий реакционных профессоров и социал-демократических министров, есть не что иное, как философский псевдоним современного буржуазного государства, государства *железной пяты*, от которого господствующие классы ждут решительных действий против индивидуализма. Первым проявлением такого антигосударственного индивидуализма является потребность рабочего жить, иметь пищу, жилище и всё, что может обеспечить ему сопротивление мнимой всеобщности государства.

Отсюда видно, что в современных условиях политический идеализм Гегеля служит орудием борьбы с коммунистическим движением. Это с элементарной ясностью вытекает из широкого распространения гегельянства в фашистской Италии. Политическое учение Гегеля является здесь как бы официальной доктриной. Верховный глава итальянского гегельянства Джованни Джентиле сам в течение неко-

того времени занимал пост министра просвещения в правительстве Муссолини. Знаток итальянского фашизма и его буржуазный критик Людвиг Бернгард следующим образом рисует политические корни неогегельянского течения в Италии: «На первой, так сказать, наивной ступени фашистская доктрина состояла просто-напросто из одной, образованной по принципу антитезы, формулировки своего отношения к политическому либерализму. Политический либерализм был противоположностью, от которой диалектически развивалось фашистское учение. Умственные ходы на первой ступени заимствованы из учения Макиавелли. Сильное государство, *stato forte*, как единственно жизнеспособное, противопоставляется либеральному государству, являющемуся государством слабым, разорванным. Основные понятия либерализма, каковы *свобода, воля народа, демократия, самоуправление*, осмеиваются как бессодержательные. Характерными для этой ступени являются программные заявления Муссолини в 1922 и 1923 годах, особенно его противопоставление *forza* и *consenso* (силы и согласия) в официальном фашистском журнале “*Guegarchia*”. После того, однако, как горький опыт 1924 года показал ему, что жестокие вещи опасно выражать жестокими словами, обнажая произвол, диктатор стал при усилении всех средств насилия искать диалектической маскировки». Что же дальше?

«И вот наступил золотой век философов, этих певцов фашизма, – продолжает Бернгард. – Джованни Джентиле стал

официальным провозвестником фашистской свободы. В то время как реалистический Муссолини только что сказал, что итальянские массы желают не свободы, а хлеба, он услышал теперь, к своему радостному удивлению, от Джентиле, что фашизм есть истинная свобода. И то, что стремилась выразить вычурная диалектика Джентиле, означало теперь в металлической формуле Муссолини: “Быть свободным – не есть право, но обязанность!”».

Эту «диалектическую» демагогию, заложенную в самом характере эпохи империализма, Бернгард неудачно назвал узурпацией либерализма. «Средство, с помощью которого официальная доктрина совершает эту узурпацию, есть диалектика Гегеля... Популярно-политическое применение гегелевской диалектики Джентиле и джентилеанцами в высшей степени пригодно для того, чтобы искусно запутать сами по себе простые и ясные, но совершенно односторонние и негибкие идейные мотивы фашизма, придав им оттенок таинственного. К этому нужно прибавить, что с недавнего времени в Риме стало очень модно украшать политические речи и статьи непонятными обрывками этой сложной диалектики»¹³. Доклад Джентиле на втором гегелевском конгрессе в Берлине может служить иллюстрацией к рассуждениям Бернгарда.

Перечень главных источников современного неогегельянства был бы неполон без указания на третью – национально-немецкую – причину его расцвета. Нужно вспомнить

крушение германского империализма в результате мировой войны и версальскую систему, одно из существенных условий экономического падения Германии. В поисках выхода немецкий капитализм навязывает народным массам эфемерный идеал могущественной империалистической Германии. Для этой цели всё может пригодиться, и вот националистическая агитация находит себе союзника в неогегельянском движении. Так называемое Интернациональное гегелевское общество имеет своей действительной целью создание на родине философа святилища великогерманского шовинизма. Как бы в доказательство этого берлинский обер-бургомистр Зам привёл на втором конгрессе Гегель-бунда следующие слова младшего современника Гегеля Пфизера: «Философия есть, в сущности, наша последняя и единственная национальная святыня, последний и прочный пункт, от которого мы можем отправляться к новым духовным победам и снова вернуть себе утерянное; только высшее и совершеннейшее образование духа может снова создать для немцев достойное их положение в ряду других наций». Нужно поставить на место этих алгебраических знаков их реальное значение, чтобы понять действительный смысл берлинского спектакля. Но вернёмся к первому гегелевскому конгрессу, так как здесь мы располагаем полным собранием текстов, изданных Вигерсмой.

Нет и не может быть никакого сомнения в истинной политической природе новой философской организации. Первый

гегелевский конгресс торжественно провозгласил философию международного права Гегеля немецкой теорией *реванша*. Мы уже знаем, что с точки зрения Гегеля идея государства является решением противоречий буржуазного общества. Но каково взаимоотношение между отдельными нациями-государствами, составляющими в совокупности человечество? Подобно тому, как на мировом рынке действительно только золото, в международных отношениях имеет значение только сила. Гегель с величайшим историческим реализмом изображает фактическое отношение между национальными левиафанами буржуазного общества, войну всех против всех. Однако сила является в его глазах выражением исторического права. Нация, оказывающаяся в данную эпоху носительницей мирового духа, обладает и мощью, необходимой для того, чтобы сделать другие народы своими орудиями. Их тяжбу решает время. «История, – говорит Гегель, – есть последний страшный суд»¹⁴.

Эта картина написана прежде всего с исторических судеб французского народа в эпоху революционных войн и наполеоновского режима в Европе. Когда Гегель говорит об историческом праве насилия, он имеет в виду право самого прогрессивного народа его времени употреблять военную силу для утверждения нового общественного строя на международной арене. В качестве возможности это историческое право приписывается им и возрождённой из пепла Пруссии. Однако революционный и национально-освобо-

дительный патриотизм, являющийся в конечном счёте действительным содержанием этих идей, превратился у современных гегельянцев в *реакционный шовинизм*. Об этом свидетельствует хотя бы цитированный выше доклад Юлиуса Биндера.

Биндер противопоставляет «дух Гегеля» пацифистскому движению. Главным противником теории международного права, выдержанной в этом духе, является с его точки зрения учение Канта о вечном мире. Отсюда естественно следует, что из двух конкурирующих судилищ – международного трибунала Лиги наций и страшного суда истории – Биндер выбирает последнее. Он настойчиво подчёркивает, что у Гегеля нет ни малейшего намёка на сверхгосударственное право, что, по мнению философа, нет претора между народами. Гегелю чужда идея вечного мира, «гарантированная союзом наций, с третейским судом и исполнительной властью, как это соответствует Версальскому миру», и вообще идея «союза наций, созданного посредством произвола, насилия и политики, предназначенного для сохранения власти победителя над побеждёнными и тем самым для сохранения вечного мира для победителей».

В противовес этой идее, «Гегель слишком ясно высказался за нравственную справедливость войны, чтобы его восприятию нравственности и свободы могла соответствовать мысль о некоем, хотя бы и бесконечно отдалённом, состоянии вечного мира, ибо как раз война является для него необ-

ходимым средством защиты свободы угрожаемой нации, и в замкнутости гегелевской системы нет вовсе места для цели, лежащей в дурной бесконечности». И далее: «Не только фактически в современных условиях нет судьи между народами, но и вообще его быть не может».

Единственное решение исходит от мирового духа, «творящего свой суд над государствами в процессе мировой истории, то есть в необходимой борьбе народов друг с другом за свою свободу, за действительность их духа в мире, за выполнение их исторической миссии». Проще говоря – кто победил, тот и прав. «Уверенность в силе нравственности может быть всегда только уверенностью в своём нравственном праве, в своей собственной нравственной ценности», а эта ценность принадлежит государству, способному отстоять себя в открытой схватке с другими государствами. «Мировой дух обнаруживает в ней свою силу, которая поможет угрожаемой нации добиться победы».

Таковы ясные цели глубокомысленных лидеров немецкого неогегельянства: воссоздать Германию как могущественную империалистическую державу, во что бы то ни стало добиться реванша.

Вот Гегель и книжная мудрость,
И смысл философии всей.

Но если действительное учение Гегеля о страшном суде

истории было отражением революционного периода в жизни буржуазного общества, то современный культ милитаризма является ярким симптомом его заката. Единственный прогрессивный смысл, который сохранили ещё в наши дни возвышенные слова философа о страшном суде истории, состоит в том, что спор между рабочим классом и классом капиталистических частных собственников не может иметь другого исхода, кроме суда борьбы. Подлинный страшный суд истории – это очистительное пламя коммунистической революции. «Для того чтобы мстить за злодеяния правящих классов, – сказал Карл Маркс в своей замечательной речи на юбилее чартистской “Народной газеты”, – в средние века в Германии существовало тайное судилище, так называемый “Vehmgericht”. Если на каком-нибудь доме был начертан красный крест, то люди уже знали, что владелец его осуждён “Vehm”. Теперь таинственный красный крест начертан на всех домах Европы. Сама история теперь судья, а исполнитель её приговора – пролетариат»¹⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.